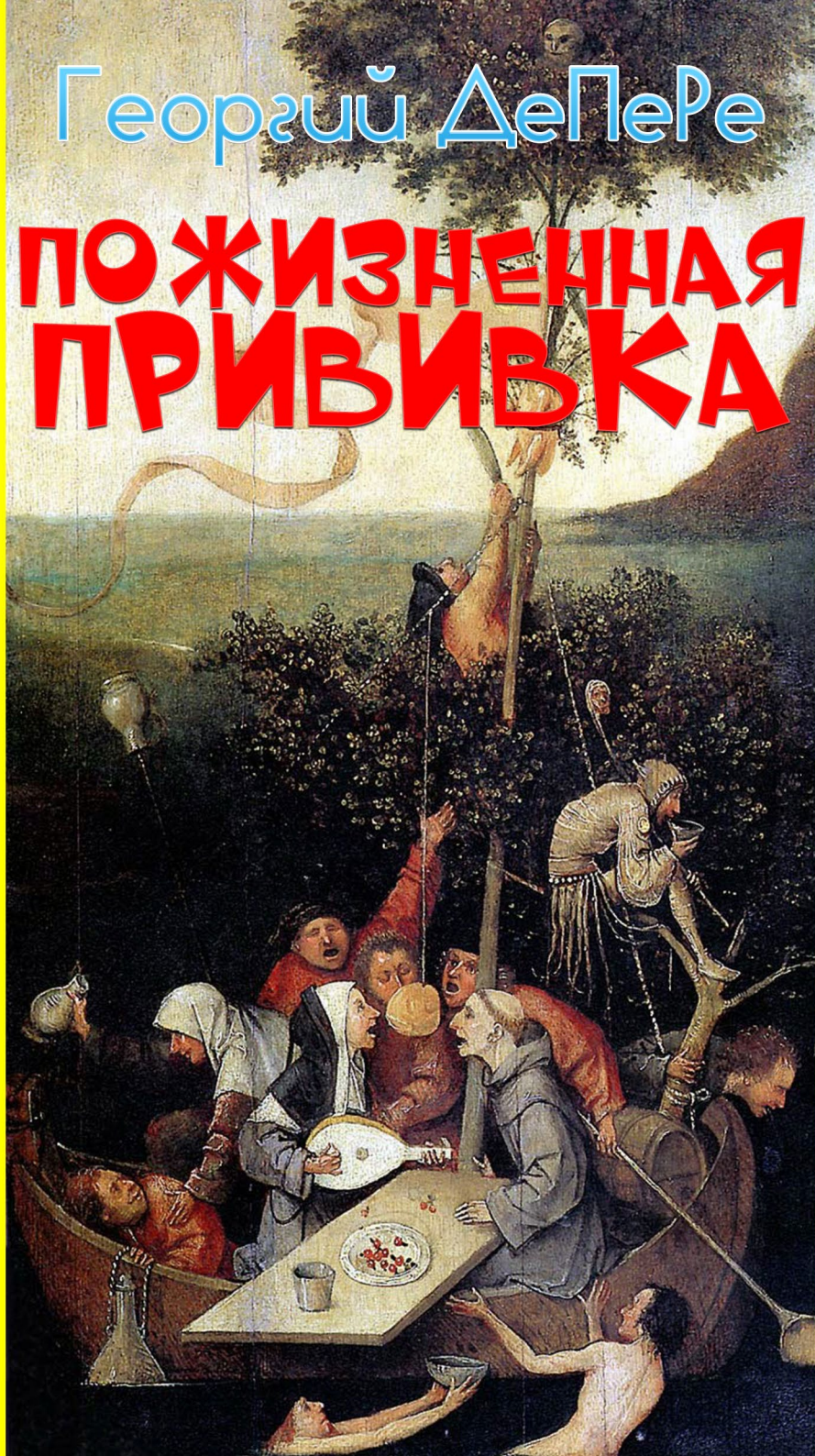

Георгий ДеПере

ПОЖИЗНЕННАЯ ПРИВИВКА

Георгий ДеПере

ПОЖИЗНЕННАЯ ПРИВИВКА

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Георгий ДеПеРе 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-94-5

Содержание

1. *«...Не меньше, чем глупцов, заметьте,
И дур встречается на свете...»*
 2. *«Ребенок учится тому,
Что видит у себя в дому:
Родители пример ему».*
3. *«...Тот глуп, скажу без церемоний,
Кто служит богу и мамоне...»*
 4. *«Ума набраться рад бы всяк,
Но, если глуп ты, как гусак,
Умней не станешь – так иль сяк!»*
5. *«...Глупцов глупей, слепцов слепей,
Те, кто не воспитал детей».*
6. *«...Вот-вот я в гроб уже сойду
Иль к живодеру попаду,
Но с глупостью живу в ладу...»*
7. *«...Царят на свете три особы,
Зовут их: Зависть, Ревность, Злоба.
Нет им погибели до гроба!...»*
 8. *«Чему учен, тому учу,
Однако быть в чести хочу...»*
9. *«Известно, склочник был бы рад
Весь мир вовлечь в раздор, в разлад...»*
 10. *«Все те, кто озорства ребят
Не замечают, словно спят, –
Бед натерпевшись, возопят».*
 11. *«Я обличаю в этой книжке
Всех дураков и их делишки:
Спасайтесь, нищие людишки!»*
12. *«К нам, братья, к нам, народ бездельный!
Держали путь мы корабельный
В Глупландию вокруг земли,
Но вот – застряли на мели!»*
- 13.

ПОЖИЗНЕННАЯ ПРИВИВКА

Посвящается г-ну Раковскому, чуть не ставшему
пациентом психоневрологической клиники,
по адресу ул. Чехова д. 3 в городе Н-ске.

«Ради пользы и благого поучения, для увещевания и поощрения мудрости, здравомыслия и добрых нравов, а также ради искоренения глупости, слепоты и дурацких предрассудков и во имя исправления рода человеческого...».

*Себастиан Брант, доктор обоих прав
(«Корабль Дураков» 1494 г.
от Рождества Христова)*

— Я знаю, господин Раковский, что вы занятой человек. Числите себя жителем столицы и много лет не были в родном городе. Но если бы вы приехали ненадолго, допустим в командировку, в город Н-ск... Если бы вас потянуло на воспоминания, и захотелось побывать в школе...

— Не потянуло. Сорок лет почти прошло, а не тянет никак.

— Неужели не осталось хоть чуть-чуть светлых воспоминаний? А первый звонок? Первый учитель? Неужели вы не хотите пройтись «по тихим школьным этажам»?

— А, знаю, слышал: «здесь прожито и понято немало...». Да немало прожито. Десять лет от звонка до звонка отсидел. Не всем даны, знаете ли, светлые воспоминания о школьных годах.

— И всё-таки, Никита, может, зайдём в школу? Их ведь давно нет никого. Никто на вас орать не будет. И на педсовет не поволокут. Родителей тоже не вызовут. Некому и некого вызывать.

— Ну, разве что зайти, посмотреть класс? Просто посмотреть и больше ничего.

— Ну вот, я так и знал, что вы согласитесь. Ну, тогда вперёд...

Вначале нам следует пройти по улице Шишкина. Теперь по проезжей части гулять опасно. Раньше на ней светофоров не было. Мимо мебельной фабрики, производящей полосатые диваны, безбоязненно прогуливались молодые мамы с детскими колясками. Школьники с ранцами за спиной или пузатыми портфелями в руках обречённо топали на занятия. По вечерам на этой улице гуляли влюблённые. Местные алкаши целыми днями сидели на деревянных ящиках возле магазина «Огонёк». Здесь летом стояла бочка с квасом, помните, три копейки – стаканчик, пять – кружка.

Теперь дорогу расширили, проезжую часть прорезали белой разделительной полосой, на перекрёстках установили светофоры. Будьте осторожны, Раковский, теперь нужно внимательно посмотреть налево, потом направо, выбрать момент и проشمыгнуть в окно автомобильного потока. Мебельная фабрика давно развалилась, на её территории располагается китайская СТО. А магазин остался, но поменял название. Теперь это «Пятёрочка». Алкаши тоже остались, но подтягиваются ко входу на час позже и уходят к обеду.

Ну что же, вот и школа. Прежде всего, вы заметите, что территорию огородили металлическим забором. Деревья тенистого прежде палисадника, где частенько устраивались драки, – вырубил. Повсюду нагромодились кучи строительного мусора. Понятно. В пятиэтажном здании из красного кирпича производится реконструкция. Двойные деревянные двери поменяли на металлические. Старые, в облезшей голубой краске, валяются возле высокого крыльца в куче извести. На стену прикрутили метровую вывеску. Под изображением государственных знамён, под русским названием «ВЭБ Фонд частных инвестиций /филиал/» в два ряда выстроились жучки китайский иероглифов. В фойе пол из красной и голубой туалетной плитки исчез. Он оголился до плит перекрытия и наполовину уже сверкает новым покрытием под мрамор.

Может нам повернуть обратно? Ничего, что могло бы навеять воспоминания, здесь уже давно нет. Что тут можно увидеть? Кучи мусора, сложенные вдоль стен строительные материалы, трудолюбивых китайских рабочих с носилками?

– Нет, – скажет Раковский, – коли, уж зашёл сюда, надо хоть родной класс посмотреть.

– А-а... Ну, тогда вам надо подняться на самый верх, на пятый этаж. Именно там вы просидели три последних года, в храме музыки, «на верхотуре». А мы на втором, в классе географии и в подвале, в Музее Боевой Славы.

– Надо же, паркет сняли, – заметите вы, двигаясь по коридорам, – окна

и двери поменяли на пластиковые.

– Обратите внимание, вон там, в углу, возле бывшего кабинета истории – гора мусора. А в ней тетради школьные. А ну-ка, ну-ка...

– Цена 2 копейки. 12 листов Гм-м... «Торжественное обещание пионера Советского Союза». Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина...

– А помните, где стоял гипсовый бюст вождя?

– Ну, как же, конечно. На втором этаже со стеклянным шкафом. В нём же знамя школы хранилось.

Однажды его свистнули пацаны из 9 «А». Гешу исключили тогда из школы.

– Да, гипсовый Ленин тоже претерпел... Глумились над ним.

– Это не я.

– И не я.

– Фу... как же тяжело подниматься. Не понимаю, как мы тут бегали наверх. Ведь перепрыгивали через две ступеньки.

– Гляньте, а ступени те же.

Отшлифованные десятилетиями и тысячами ног, они потеряли форму, стали покатыми, края истончились. Их тоже реставрируют.

Ну вот, мы и пришли.

– Опа! Двери нет. Убрали, а новую ещё не поставили.

В кабинете пения не осталось мебели. Весь пол завален мусором: куски штукатурки и стекла, фрагменты деревянных оконным рам. Изодранные тетради и грязные листы ватмана: замызганный портрет Мусорского, матросская бескозырка с одной ленточкой и....

– Господин, Раковский, смотрите!

Засыпанная извёсткой под ногами лежит репродукция картины Босха.

– Корабль дураков! – Раковский освобождает измятый лист, встряхивает его. – Я уже забыл про неё. Приплыл кораблик. М-да, это моих рук дело....

Сложенный вчетверо плакат долгое время пролежал где-то в стопке бумаг. Края сгибов истёрлись и образовали на полотне крест. Пятна и полосы грязи закрыли отдельные фрагменты картины. Однако, вполне очевидно, что она когда-то, много лет назад, подверглась жестокой редакции: вместо голов у дурацких персонажей белые овалы.

1. «...*Не меньше, чем глупцов, заметьте,
И дур встречается на свете...*»

(из главы «Предисловие» С. Брант)

Если тоннаж вашего корабля мал...

Или, ещё хуже, вы отправились в плавание на резиновой лодке, – бойтесь попасть под грузовое судно. Затянет вас кормовая сила присасывания, и потащит в кильватере сухогруза, чёрт знает куда. И тогда уж бесполезно паниковать и судорожно булькать вёслами. Не справиться вам с неумолимой силой подчинения. Не вырваться вам из колеи. Понесёт вас мимо золотых пляжей и необитаемых островов прямо в какой-нибудь промышленный порт. И вместо увлекательного путешествия окажетесь вы в портовом отделе милиции, где тут же накачают телегу в школу, а родителям дадут штраф.

Ещё хуже попасть в турбулентность. Закрутят судёнышко вихри враждебные и утянут, не дай бог, прямо под винт. И останутся от вас рожки да ножки. Поплачут родители, погрустят друзья и скажут:

– Какое несчастье! Будь у него большой корабль, мог бы стать знаменитым путешественником! Судьба.

А враги-второгодники из параллельного класса – наоборот, скажут другое:

– Так ему и надо, этому балбесу! Возомнил себя моряком, тоже мне, Пржевальский. В школу надо ходить, а не в Монголию плавать.

Но уж если попали вы под тяжёлый танкер-сухогруз, то главное – не паникуйте. Сложите вёсла и смиренно надейтесь на лучшее. Может случится, поднимет ваше судёнышко набегающая от корпуса волна, понесёт и выкинет на отлогий песчаный берег. Оглянетесь вы и удивитесь:

– Откуда здесь, в Западно-Сибирской низменности, взялось тропическое жаркое солнце? И почему посреди болот Васюганья растут банановые пальмы?

В замешательстве будете вы бродить по берегу, пока не встретите чернокожего аборигена. И тогда, с трудом подбирая слова, спросите вы его по-английски:

– Эй, малый, а что это за остров?

Выплюнет он жеваную мякоть кокоса и ответит по-русски:

– Чунга-Чанга. А че?

Как тяжёлый танкер, груженный кучами донного песка, раздвигает крутобокими бортами водную стихию, так учительница по пению продви-

гается по школьному коридору курсом на учительскую. Обхватив могучими руками концертный аккордеон, похожий на раскладной диван, она гудит голосом вокзального грузчика: «Побереги-ись!». В хоровом пении подобный женский бас принято называть альтот. Предупредительный сигнал перекрывает шум и гам большой перемены. Старшеклассники почтиительно расступаются.

Год назад случилась авария: Петров из 5-го «Б» на всём скаку залетел под Таиську. Месяц она отдыхала на больничном, уроки по пению заменили физкультурой. А пятиклассника за нарушение дисциплины разобрали педсовете. До последнего винтика раскрутили и вызвали родителей. Глянув на кучу деталей, мать прослезилась и выкатила претензию: «За что мальчонку уделали?! Где жопа, где голова – ничего не понятно!». Сложила железки в большую сумку и от греха унесла в другую школу, в сорок вторую, продвинутую. У них, говорят, там сборочный конвейер. Всё по уму – робототехника. Собрали его там к десятому классу и выпустили в большую жизнь. Ходит теперь Петров с надёжной перфокартой и знает все ответы на все вопросы.

А у нас тут всё ещё средневековье. Седьмой признак феодализма, низкий рутинный уровень труда, – ручная сборка. И выходят из школы номер девятнадцать какие-то полуфабрикаты, годные или в армию или в ремесленное училище. Молодые и прогрессивные учителя в нашей школе не задерживаются. Их романтические семена не приживаются на скудной хулиганской почве с одной стороны. С другой, – шпыняют молодых старики-педагоги, дерут на куски и не дают жить.

Англичанка вот была в восьмом классе. Утончённая дама ходила на высоких каблуках, девочки ей завидовали; говорила только по-английски и обращалась к ученикам только на «Вы». А как поскользнулась на горохе, да растянулась на полу, – так сразу по-русски заговорила и уволилась. Это всё Раковский подстроил. Принёс из дома килограмма три гороха и поделился с товарищами. Следует сказать, что сухая горошина – отличный снаряд для харкалки. Делать её нужно из нижнего сегмента телескопической антенны от телевизора. Чтобы не поранить губы края трубки нужно выровнять и отшлифовать наждачкой. Если потренироваться, то не каждое оконное стекло выдерживает. Из одной антенны получается две трубки крупного калибра под горох и две мелкого – под пластилиновые шарики. Повальное увлечение гороховыми харкалками, кончилось педсоветом по просьбе родителей. Лишились они средств информации и во всём школу обвинили.

Или, была у нас в девятом молодая училка по литературе. Поставила

она себе непосильную задачу воспитать в детях любовь к Толстому и Горькому. Всю дорогу распиналась перед нами, как здорово, что Павел бросил пить и пошёл в кружок большевиков. Только всё зря. Получила она вместо сочинения на произведение «Мать» анонимный рисунок. На рисунке – зек небритый весь в татуировках, и папирской дымит. А на груди выколото: «Не забуду мать родную».

А когда завучу показала, тот сказал:

– А вы ещё больше перед этими ублюдками ноги раздвигайте.

Уволилась она и ушла в вечернюю школу для рабочей молодёжи. Говорят, там одни сознательные учатся.

Старшеклассники знают, что когда училка по пению марширует курсом на учительскую, то «ничего перед собой не видит из-за своего баяна». Поэтому почтительно расступаются. А мелкий народец не знает. Вечно они орут и лётают друг за дружкой, как стая воробьёв. Поэтому постоянно попадают под Таиську. Их растоптанные трупки тонкими лепёшками остаются на грязном паркетном полу. Вечером, после уроков, приходит уборщица баба Поля со шваброй. Ототрёт дырявой тряпкой и выжмет в маркированное ведро. Выльет куда надо, дёрнет за шнурок, и весело понесётся очередная ватага первоклашек по водопроводным трубам. Через городской коллектор прямо в реку. Перегоняя друг друга на мелкой волне, поплывут мультяшные человечки по могучей сибирской артерии. Чтобы, преодолев тысячу километров пути, соединиться с водами Арктики и затеряться в просторах Карского моря.

Впрочем, Таисия Тимофеевна ничего такого не замечает.

Старшеклассники замечают всё. Поэтому провожают её взглядами, шепчутся и хихикают:

«Бантики, туфельки, звёздочки в ряд

Попал под Таиську

Отряд октябрят».

Аккордеон приходилось носить по причине сломанной на двери класса задвижки. А так же, учитывая прискорбный случай вандализма. Оставленный без присмотра инструмент потерял две клавиши: ноту «фа» второго регистра и ноту « соль» первого. Остальная клавиатура обезобразилась надписями хулиганского содержания. В результате попыток стереть химические буквы клавиши приобрели пятнистый трупный оттенок. Мелкие отверстия в мехах, проковыранные гвоздиком, музыка заклеила липкой лентой, после чего аппарат стал задышаться, хрипеть и подсвистывать. Эм-физема!

А когда-то он был молодым красавцем. Выступал на концертах в составе оркестра народных инструментов. Был влюблён в русскую балалайку и пел ей романсы. Поговаривали, дрался на дуэли с соперником баяном и отбил таки у него красавицу. Но потом спутался с гармошкой и пошла его жизнь под откос. Запил он по-чёрному и был продан. Попал в крепкие руки училки по пению, из которых уже не вырвался. Замучила она его до смерти, так и зачах.

Ходят слухи, что у Таисьи оттого такие огромные плечи, что она их «накачала на баяне». В среде старшеклассников культивируется следующая теория: если бы снять с неё вечно зелёное в рюшечках платье, то открылась бы такая красота, что вечный второгодник-рецидивист Черноштан, показался бы младенцем. А чемпион мира Алексеев заплакал и пообещал больше никогда не поднимать штангу. И возгордилась тогда Таисья и бросила играть на баяне, покинула школу. И пошла она в бодибилдинг выступать на международных конкурсах. А через пару лет завоевала наша музычка титул чемпионки мира! А потом, на соревнованиях, удрала в Америку и стала предателем Родины. Так ей и надо!

– Наши дети не любят музыку! – заявляет Таисия Тимофеевна, протираясь в дверь учительской комнаты. – А всё потому, что школу построили где попало! В хулиганском районе.

– Отчего же в хулиганском? – снимает очки и близоруко щурится Николай Иванович, учитель физики.

– Конечно в хулиганском! Вот я работала в 173-ей школе, в Октябрьском районе, так там, куда не плюнь – у всех абсолютный слух был, особенно у девочек из 7-го Б.

– А, да вы уже рассказывали... – обречённо вздыхает физик и готовится слушать историю про детей-ангелов.

– Да. И все дети там были воспитанные. Ну, просто ангелы, а не дети. А здесь что?!

– Это потому, Таисия Тимофеевна, что школа работает сразу на два района. А вы же знаете, что там за озером частный сектор. Шанхай какой-то, – поддерживает учительницу по пению завуч, Надежда Михайловна.

Она права. В частном секторе, за озером, безостановочно работает семейный конвейер: дед сидел и папаша сидел, старший брат сидел, а теперь твоя очередь.

Время от времени приходит к ним «беда, откуда не ждали», как в сказке про мальчиша-кибальчиша. «Что же, – говорит папаша Мальчишу, – я